

Калуцкая Надежда Петровна,

преподаватель;

Зенина Татьяна Александровна,

воспитатель,

Винокурова Татьяна Петровна,

воспитатель,

ОГАПОУ «Валуйский индустриальный техникум»,

г. Валуйки, Белгородская область, Россия

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СВОБОДЫ И ПРАВСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЁ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОГРАММНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПО ЛИТЕРАТУРЕ)

Избрав названную тему статьи, авторы статьи отдают себе отчёт, сколь она глубока и сложна. Но преподавать литературу и обществознание в профессиональном образовательном учреждении без её осмысления невозможно, так как каждый урок по названным учебным дисциплинам – это в той или иной степени анализ соотношения человеческой свободы и нравственной ответственности за неё. Попытка авторского подхода к этому анализу представлена ниже на материале изучения н уроках программных произведений по литературе.

Прежде всего, о толковании самого термина «свобода». Как известно, ещё Ш. Монтескье говорил: «Нет слова, которое получило бы столько разнообразных значений и произвело бы столь различные впечатления на умы, как слово «свобода»» [1]. Из всего многообразия значений мы со студентами выбрали следующее: «Свобода – это возможность выбора». На начальном этапе работы с термином происходит непростой разговор о том, а каково это человеку, получившему свободу, непрерывно находиться в ситуации неизбежности того или иного выбора. Каждый ли человек, считающий себя свободным, в состоянии выбирать и, самое главное, нести ответственность за свой выбор? В ходе этого разговора неизбежно встаёт вопрос, что считать

критериями для оценки выбора, он, в свою очередь, приводит к обсуждению вечной темы Добра и Зла и, конечно, к теме Бога.

Студенты, мыслящие в категориях православия, утверждают, что единственной гарантией ответственности человека за его свободу, является вера в Бога, а те, кто берёт на себя смелость отрицать Бога, считают, что многие неверующие тоже готовы к ответственности за свой выбор. Предметным разговор становится тогда, когда мы работаем над анализом конкретного литературного произведения.

Начнём с изучения в группах драмы А.Н. Островского «Гроза» [2]. Героиня драмы Катерина с самого начала пьесы поставлена обстоятельствами в ситуацию тяжелейшего морального выбора, потому что на неё, замужнюю женщину, истово верующую в Бога, обрушилась греховная страсть к другому мужчине. Что она выберет? Готова ли она к ответственности за свой выбор? Об этом пойдёт речь на уроках, посвящённых драме А.Н. Островского «Гроза».

В интерпретации православных студентов анализ проблемы выбора Катерины строится по следующей схеме. В начале драмы мы имеем дело с героиней, которая, без всякого сомнения, истово верит в Бога. Достаточно вспомнить хотя бы одну цитату, и это становится очевидным. В седьмом явлении первого действия Катерина говорит золовке: «И до смерти я любила в церковь ходить! Точно, бывало, я в рай войду, и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится. Точно как все это в одну секунду было. Маменька говорила, что все, бывало, смотрят на меня, что со мной делается! А знаешь: в солнечный день из купола такой светлый столб вниз идет, и в этом столбе ходит дым, точно облака, и вижу я, бывало, будто ангелы в этом столбе летают и поют. А то, бывало, девушка, ночью встану – у нас тоже везде лампадки горели – да где-нибудь в уголке и молюсь до утра. Или рано утром в сад уйду, еще только солнышко восходит, упаду на колена, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чем молюсь и о чем плачу; так меня и найдут». Другое дело, чего в этой вере больше – восхищения красотой обрядовой стороны или

глубокого понимания сущности православия. Но понимание, что есть грех, у Катерины определённо присутствует, вспомним её диалог с Варварой.

Катерина (помолчав): Я умру скоро.

Варвара: Полно, что ты!

Катерина. Нет, я знаю, что умру. Ох, девушка, что-то со мной недоброе делается, чудо какое-то. Никогда со мной этого не было. Что-то во мне такое необыкновенное. Точно я снова жить начинаю, или... уж и не знаю.

Варвара. Что же с тобой такое?

Катерина (берет ее за руку). А вот что, Варя, быть греху какому-нибудь! Такой на меня страх, такой-то на меня страх! Точно я стою над пропастью, и меня кто-то туда толкает, а удержаться мне не за что (*Хватается за голову рукой*).

Варвара. Что с тобой? Здоровы ли ты?

Катерина. Здоровы... Лучше бы я больна была, а то нехорошо. Лезет мне в голову мечта какая-то. И никуда я от нее не уйду. Думать стану – мыслей никак не соберу, молиться – не отмолюсь никак. Языком лепечу слова, а на уме совсем не то: точно мне лукавый в уши шепчет, да все про такие дела нехорошие. И то мне представляется, что мне самое себя совестно делается. Что со мной? Перед бедой перед какой-нибудь это! Ночью, Варя, не спится мне, все мерещится шепот какой-то: кто-то так ласково говорит со мной, точно голубит меня, точно голубь воркует. Уж не снятся мне, Варя, как прежде, райские деревья да горы; а точно меня кто-то обнимает так горячо-горячо, и ведет меня куда-то, и я иду за ним, иду...

Варвара. Ну?

Катерина. Да что же это я говорю тебе: ты – девушка.

Варвара (оглядываясь). Говори! Я хуже тебя.

Катерина. Ну, что ж мне говорить? Стыдно мне.

Варвара. Говори, нужды нет!

Катерина. Сделается мне так душно, так душно дома, что бежала бы. И такая мысль придет на меня, что, кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волге,

на лодке, с песнями, либо на тройке на хорошей, обнявшись,.. Варвара. Только не с мужем.

Катерина. А ты почему знаешь?

Варвара. Еще бы не знать!..

Катерина. Ах, Варя, грех у меня на уме! Сколько я, бедная, плакала, чего уж я над собой не делала! Не уйти мне от этого греха. Никуда не уйти. Ведь это нехорошо, ведь это страшный грех, Варенька, что я другого люблю?

Как видим, она даже знает «автора» этого искушения – «точно мне лукавый в уши шепчет». Казалось бы, при настоящей вере героиня в силах при помощи молитвы устоять, и она отчаянно борется с собой вплоть до ожидания свидания с Борисом да и во время самого свидания, вот её первые реплики возлюбленному.

Катерина. Поди от меня! Поди прочь, окаянный человек! Ты знаешь ли: ведь мне не замолить этого греха, не замолить никогда! Ведь он камнем ляжет на душу, камнем.

Борис. Не гоните меня!

Катерина. Зачем ты пришел? Зачем ты пришел, погубитель мой? Ведь я замужем, ведь мне с мужем жить до гробовой доски...

Борис. Вы сами велели мне прийти...

Катерина. Да пойми ты меня, враг ты мой: ведь до гробовой доски!

Борис. Лучше б мне не видать вас!

Катерина (с волнением). Ведь что я себе готовлю. Где мне место-то, знаешь ли?

Итак, выбор Катерины абсолютно осознанный, при этом она адекватно оценивает всю глубину своего грехопадения и даже знает, где ей «место-то», следовательно, к ответственности за свой выбор готова или, во всяком случае, знает характер этой ответственности. По мере развития действия пьесы автор даёт нам возможность понаблюдать, как же героиня с этой ответственностью справляется. Тривиальное возвращение мужа, отсутствовавшего в течение десяти дней, ввергает героиню в состояние, которое красноречиво описывает

Варвара в разговоре с Борисом: «Дрожит вся, точно ее лихорадка бьет; бледная такая, мечется по дому, точно чего ищет. Глаза как у помешанной! Давеча утром плакать принялась, так и рыдает. Батюшки мои! что мне с ней делать?»

Это состояние Катерины приводит к тому, что на паперти церкви в присутствии большого числа прихожан героиня совершает естественный для верующей женщины акт покаяния.

Катерина (подходит к стене и опускается на колени, потом быстро вскакивает). Ах! Ад! Ад! Геенна огненная!

Кабанова, Кабанов и Варвара окружают ее.

Все сердце изорвалось! Не могу я больше терпеть! Матушка! Тихон! Грешна я перед богом и перед вами! Не я ли клялась тебе, что не взгляну ни на кого без тебя! Помнишь, помнишь! А знаешь ли, что я, беспутная, без тебя делала? В первую же ночь я ушла из дому...

Кабанов (растерявшись, в слезах дергает ее за рукав). Не надо, не надо! не говори! Что ты! Матушка здесь!

Кабанова (строго). Ну, ну, говори, коли уж начала.

Катерина. И все-то десять ночей я гуляла... *(Рыдает).*

Кабанов хочет обнять ее.

Кабанова. Брось ее! С кем?

Варвара. Врет она, она сама не знает, что говорит.

Кабанова. Молчи ты! Вот оно что! Ну, с кем же?

Катерина. С Борисом Григорьевичем.

Удар грома.

Ах! (Падает без чувств на руки мужа).

Конечно же, она рассчитывает на милосердие к своей участи, но забывает о том, что на бесконечное милосердие способен только Бог, а люди-то, к сожалению, не боги. Поэтому покаяние героини только усугубляет её положение и приводит в состояние, которое она сбивчиво описывает в монологе: «Ночи, ночи мне тяжелы! Все пойдут спать, и я пойду; всем ничего, а мне как в могилу. Так страшно в потемках! Шум какой-то сделается, и поют,

точно кого хоронят; только так тихо, чуть слышно, далеко, далеко от меня... Свету-то так рада сделаешься! А вставать не хочется, опять те же люди, те же разговоры, та же мука. Зачем они так смотрят на меня? Отчего это нынче не убивают? Зачем так сделали? Прежде, говорят, убивали. Взяли бы да и бросили меня в Волгу; я бы рада была. «Казнить-то тебя, говорят, так с тебя грех снимется, а ты живи да мучайся своим грехом». Да уж измучилась я! Долго ль еще мне мучиться!.. Для чего мне теперь жить, ну для чего? Ничего мне не надо, ничего мне не мило, и свет божий не мил! А смерть не приходит. Ты ее кличешь, а она не приходит».

Этот монолог и даёт нам основание сделать довольно жестокий вывод о том, что ответственность за свой выбор оказалась Катерине не по силам. Хотя от человека верующего мы вправе ждать того, что свои страдания она воспримет как путь возвращения к Богу и к людям, а Катерина «кличет смерть» и почему-то даже надеется, что она избавит её от страданий. Возникает дилемма: с одной стороны, она определённо знает, где ей «место-то» после грехопадения, с другой – не готова страдать за него, чтобы получить искупление. Рассчитывать, что смерть для грешника станет облегчением, позволительно человеку неверующему, но Катерина ведь идентифицирована нами как верующая. Почему же героиня отчаялась в прощении Бога в земной жизни, почему забывает о том, какая встреча предстоит в неземной? «Потому что она всего лишь человек, не готовый к ответственности за свой моральный выбор», – говорят студенты, прощая Катерину и любя её.

Но впереди самый последний и самый трагический выбор Катерины. Как он зреет, мы узнаём из предсмертного монолога героини. «Куда теперь? Домой идти? Нет, мне что домой, что в могилу – все равно. Да, что домой, что в могилу!.. что в могилу! В могиле лучше... Под деревцом могилушка... как хорошо!.. Солнышко ее греет, дождичком ее мочит... весной на ней травка вырастет, мягкая такая... птицы прилетят на дерево, будут петь, детей выведут, цветочки расцветут: желтенькие, красненькие, голубенькие... всякие (задумывается), всякие... Так тихо! так хорошо! Мне как будто легче! А об

жизни и думать не хочется. Опять жить? Нет, нет, не надо... нехорошо! И люди мне противны, и дом мне противен, и стены противны! Не пойду туда! Нет, нет, не пойду! Придешь к ним, они ходят, говорят, а на что мне это? Ах, темно стало! И опять поют где-то! Что поют? Не разберешь... Умереть бы теперь... Что поют? Все равно, что смерть придет, что сама... а жить нельзя! Грех! Молиться не будут? Кто любит, тот будет молиться... Руки крест-накрест складывают... в гробу! Да, так... я вспомнила. А поймают меня, да воротят домой насильно... Ах, скорей, скорей! (*Подходит к берегу. Громко*) Друг мой! Радость моя! Прощай! (*Уходит*)».

Естественно, что у православного читателя монолог вызывает мгновенную реакцию: а разве «могилушкой» всё кончается и цветочками «желтенькими, красненькими, голубенькими»? И эта реакция, увы, опять приводит к мысли, что, столкнувшись с жестокостью людей, Катерина, с молодых ногтей воспитанная на евангельских писаниях, почему-то забыла о том, что люди способны посметь кинуть камень в самого Христа и, самое страшное, усомнилась в Высочайшем милосердии, в спасительном Промысле Божиим о каждом человеке.

Это сомнение и есть неготовность героини к ответственности в православном её понимании. Поэтому совершается самоубийство, чего не способно простить даже Высочайшее милосердие.

Неверующие студенты рассматривают ситуацию, исходя только из моральных категорий. Всё, произошедшее в драме, оценивается ими как попытка человека с обострённым чувством справедливости и собственного достоинства сделать осознанный моральный выбор в пользу настоящих, а не лицемерных чувств в обществе, где настоящее и глубокое принято прятать. Отказавшись от традиционного вранья, героиня берёт на себя мужество на принародное покаяние, чтобы остаться человеком хотя бы в своих глазах. Но социуму, к которому она принадлежит, «человеки» не нужны, потому что они ломают стереотипы. А Катерине оказывается ненужной жизнь в таком социуме. Можно ли здесь говорить о том, что Катерина своим самоубийством

продемонстрировала способность нести ответственность за осознанный моральный выбор? Мнения студентов разделились, но большинство сошлось на том, что такая форма ответственности хоть и противоречит жизненному естеству, но время от времени выбирается людьми. Имеет ли человек право на такую форму ответственности за свой выбор? Если он живёт без Бога, то он берёт Его функции на себя и думает, что ему всё позволено. При этом он забывает, что на смену минутам отчаяния может прийти состояние адекватности, в котором мысль о самоубийстве покажется непоправимой и чудовищной, но человек, избравший самоубийство, уже безвозвратно отрезал себе путь к адекватности. Интересной в этом смысле мы считаем позицию А. Хадынской [3], написанной, правда, по поводу творчества другого писателя: «Это насилие над собой уже нечто более высокое и более свободное, чем насилие над другими, так как сам вершит суд над собой, но в решении на самоубийство есть внутреннее противоречие: если это решение исходит из сознания своего бессилия и неволи, а сам шаг к самоубийству уже есть некоторый акт силы и свободы, то почему же этой силой и свободой не воспользоваться для жизни?»

Разговор о моральном выборе и ответственности за него в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети», конечно, связан с образом главного героя Евгения Базарова. Он изображён нигилистом, который не признаёт ничего, кроме науки. Таким образом, религия и вера для Базарова оказываются в области, не достойной не только уважения, но даже внимания. Вместе с автором мы наблюдаем на протяжении романа за тем, насколько последователен его герой в ответственности за свой моральный выбор и насколько он «удобен» для социума как носитель такого выбора. Так А.А. Новикова-Строганова в своей статье «О вечном примирении и жизни бесконечной...» пишет следующее: «Безбожные установки надменно-теоретизирующего сознания исподволь, незаметно для героя разрушали светлые стороны его личности. Демонических проявлений натуры Базарова в тот период, когда он расценивал себя как нигилиста и атеиста, можно насчитать

в романе немало. Окружающим он внушал безотчётный страх. В глазах матери, неотступно обращённых на сына, «виднелась и грусть, смешанная с любопытством и страхом, виднелся какой-то смиренный укор [5]. Одинцова испытывала инстинктивную боязнь перед его зверским, животным началом: «Она задумывалась и краснела, вспоминая почти зверское лицо Базарова, когда он бросился к ней...»; «Я боюсь этого человека, – мелькнуло в её голове». Ученик Базарова «бланманже» Аркадий также пережил минуты страха перед своим идейным наставником, когда в шуточной ссоре от него вдруг повеяло нешуточной опасностью: «Что подерёмся? – подхватил Базаров. – Что ж? Здесь, на сене, в такой идиллической обстановке, вдали от света и людских взоров – ничего. Но ты со мной не сладишь. Я тебя сейчас схвачу за горло...»

Базаров растопырил свои длинные и жёсткие пальцы... Аркадий повернулся и приготовился, как бы шутя, сопротивляться... Но лицо его друга показалось ему таким зловещим, такая нешуточная угроза почудилась ему в кривой усмешке его губ, в загоревшихся глазах, что он почувствовал невольную робость...» [4]. Злое начало готово выплеснуться в любой момент, беспричинно, бессмысленно, и от того особенно страшно. В предсмертном бреду Базарову виделось нечто inferнальное: «Пока я лежал, мне всё казалось, что вокруг меня красные собаки бегали» [4].

Мы со студентами, как правило, не так категоричны в оценке безбожника Базарова. Мы ставим ему в заслугу искренность и простоту в обращении с представителями простого народа, вспомним на этот счёт хотя бы одну короткую цитату: «Слуги также привязались к нему, хотя он над ними подтрунивал: они чувствовали, что он все-таки свой брат, не барин. Дуняша охотно с ним хихикала и искоса, значительно посматривала на него, пробегая мимо «перепелочкой»; Петр, человек до крайности самолюбивый и глупый, вечно с напряженными морщинами на лбу, человек, которого все достоинство состояло в том, что он глядел учтиво, читал по складам и часто чистил щеточкой свой сюртучок, – и тот ухмылялся и светлел, как только Базаров

обращал на него внимание; дворовые мальчишки бегали за «дохтуром», как собачонки».

Базаров необыкновенно трудолюбив и готов неустанно штудировать всё, связанное с его будущей профессией. Уже на другое утро после приезда к Аркадию «Базаров в несколько минут обегал все дорожки сада, зашел на скотный двор, на конюшню, отыскал двух дворовых мальчишек, с которыми тотчас свел знакомство, и отправился с ними в небольшое болотце, с версту от усадьбы, за лягушками.

- На что тебе лягушки, барин? – спросил его один из мальчиков.

- А вот на что, – отвечал ему Базаров, который владел особенным умением возбуждать к себе доверие в людях низших, хотя он никогда не потакал им и обходился с ними небрежно, – я лягушку распластаю да посмотрю, что у нее там внутри делается; а так как мы с тобой те же лягушки, только что на ногах ходим, я и буду знать, что и у нас внутри делается.

- Да на что тебе это?

- А чтобы не ошибиться, если ты занеможешь и мне тебя лечить придется.

- Разве ты дохтур?

- Да».

Или «Базаров привез с собой микроскоп и по целым часам с ним возился».

Герой любит и ценит своих родителей, и даже перед смертью его печаль о них, прощаясь с Одинцовой, он говорит: «...отец вам будет говорить, что вот, мол, какого человека Россия теряет... Это чепуха; но не разуверяйте старика. Чем бы дитя ни тешилось... вы знаете. И мать приласкайте. Ведь таких людей, как они, в вашем большом свете днем с огнем не сыскать...»

Так что кроме «демонических проявлений» мы находим в Базарове проявления по-настоящему христианские и отмечаем, что этот безбожный герой внушает нам намного больше уважения, чем его верующий оппонент Павел Петрович Кирсанов. Но главная проверка личности Базарова ещё впереди: выбитый из колеи безответной любовью к Одинцовой, он,

профессионал, утратил бдительность настолько, что, порезав палец во время анатомирования тифозного трупа, не побеспокоился о своевременном обеззараживании раны. Герой заражён, признаки заражения нарастают со зловещей скоростью, как врач он понимает близость финала. В такой ситуации человек, как правило, хватается за соломинку, и мы ждём, что Базаров всё-таки обратится к Богу, тем более что рядом с ним по-настоящему верующие родители. А.А. Новикова-Строганова размышляет по этому поводу так [5]: «Прямая христианская обязанность родных и близких смертельно больного – своевременно дать ему возможность православного напутствия перед кончиной. Этот мучительный родительский долг пытается с честью исполнить Василий Иванович Базаров – истинный православный христианин. Будучи опытным лекарем и наблюдая за симптомами в развитии болезни, он тревожится о том, чтобы сын успел через Таинство Причащения осознанно приобщиться к спасительной силе жертвы Христа на Голгофе. Мука, терзающая старика-отца, теряющего единственного сына и призывающего его к душеспасительному Таинству, столь велика и особенна, что Василий Иванович начинает выражаться несвойственным ему высоким слогом, изумляющим Базарова. Сын невольно отвечает отцу в том же стиле, что ещё более подчёркивает неординарность происходящего:

«Евгений! – произнёс он, наконец, – сын мой, дорогой мой, милый сын!

Это необычайное воззвание подействовало на Базарова... Он повернул немного голову и, видимо, стараясь выбиться из-под бремени давившего его забытья, произнес:

– Что, мой отец?»

Опустившись на колени, набожный старик умоляет Базарова позаботиться о спасении души перед уходом в вечность: «Евгений, тебе теперь лучше; ты, Бог даст, выздоровеешь; но воспользуйся этим временем, утешь нас с матерью, исполни долг христианина! Каково-то мне это тебе говорить, это ужасно; но ещё ужаснее... ведь навек, Евгений... ты подумай, каково-то...

Голос старика перервался, а по лицу его сына, хотя он и продолжал лежать с закрытыми глазами, проползло что-то странное» [4].

Мастер «тайной психологии» – Тургенев – не называет движения души, вызвавшего такую необычную, вербально не определяемую реакцию. В то же время здесь отчётливо ощутим намёк на запредельность происходящего – в предчувствии инобытия.

Базаров не внял мольбе отца. Однако важно, что он не отказывается от Таинства в принципе и выражает готовность принять его позднее. Фактически Базаров даёт разрешение обеспечить возможность совершения над ним священнодействия, даже если он впадёт в беспамятство:

«Я не отказываюсь, если это может вас утешить, – промолвил он наконец, – но мне кажется, спешить ещё не к чему. Ты сам говоришь, что мне лучше.

- Лучше, Евгений, лучше; но кто знает, ведь это всё в Божьей воле, а исполнивши долг...

- Нет, я подожду, – перебил Базаров. – Я согласен с тобою, что наступил кризис. А если мы с тобой ошиблись, что ж! ведь и беспамятных причащают» [4].

А дальше высказывается предположение, что этот диалог между отцом и сыном не позволяет «...однозначно судить об абсолютном атеизме Базарова, чтобы не погрешить против художественной истины романа», и в качестве аргументов приводятся соображения Герцена и Азадовского. «Вовсе не случайно Герцен усмотрел в этом эпизоде, а также в заключительных словах финального реквиема «о вечном примирении и о жизни бесконечной» [5] опасный, с точки зрения революционера и атеиста, «мистицизм». По прочтении «Отцов и детей» Герцен писал Тургеневу: «Requiem на конце – с дальним апрошем к бессмертию души – хорош, но опасен, ты эдак не дай стрелка в мистицизм». Анализ заключительных глав и эпилога «Отцов и детей» также привёл советского литературоведа М.К. Азадовского ещё в 1935 году к догадке о том, что Тургенев изобразил атеиста Базарова перед смертью раскаявшимся и примирившимся с «небом». Впрочем, эта крамольная для того времени мысль

была немедленно полемически опровергнута с точки зрения господствовавших вульгарно-идеологических марксистско-ленинских установок» [5].

Наши студенты (и мы разделяем их точку зрения) на этот счёт придерживаются мнения, что своим согласием на Таинство Соборования в этом эпизоде Базаров демонстрирует не столько лояльность к Богу, сколько свою нежную любовь к родителям. Таким образом, мы констатируем, что в своей ответственности безбожника Базаров последователен и стоек даже перед лицом смерти. Вспомним его фразу, обращённую к Анне Сергеевне: «Эх, Анна Сергеевна, станемте говорить правду. Со мной кончено. Попал под колесо. И выходит, что нечего было думать о будущем. Старая штука смерть, а каждому внове. До сих пор не трушу... а там придет беспмятство, и фюить! *(Он слабо махнул рукой)*».

А вот его реакция на само Таинство: «Отец Алексей совершил над ним обряды религии. Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, один глаз его раскрылся, и, казалось, при виде священника в облачении, дымящегося кадила, свеч перед образом что-то похожее на содрогание ужаса мгновенно отразилось на помертвелом лице». И эта реакция, конечно, поставила перед нами тот же вопрос, что и перед Ю.В. Лебедевым: «Что это? Запоздалое раскаяние? Или, наоборот, бунт атеистической души?»

Православные студенты уверены, что это, несомненно, раскаяние, тем более что в этой же главе Базаров использовал неожиданный в его устах духовно-поэтический образ: «Дуньте на умирающую лампаду, и пусть она погаснет...» [4], – обращается он к Одинцовой. Что позволяет А.А. Новиковой-Строгановой утверждать следующее [5]: «Ассоциируя себя с «лампадой», Базаров обнаруживает свою внутреннюю причастность православной церковной традиции, родственность ей на генетическом уровне». В пользу раскаяния, с точки зрения студентов, говорит и тот факт, что максимум, что испытал бы атеист, видя над собой священника, это отчаяние (на что только, дескать, не пойдёшь ради родителей), но не «содрогание ужаса». Значит, он

увидел нечто такое, от чего содрогнулся, даже будучи несомненно мужественным человеком.

Неверующие студенты тоже, как ни удивительно, считают, что «бунт атеистической души» не может вызвать «содрогание ужаса», поэтому констатируют, что эти мгновения – единственное, что роняет робкую тень на уровень ответственности Базарова за свой моральный выбор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. <https://znaniya.com/task/25933125>
2. Островский А.Н. Гроза [Текст произведения]. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/994/p.1/index.html>
3. Хадынская А.А. Достоевский о свободе и ответственности человека // Литература. – 2003. – №38. Режим доступа: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200303801>
4. Тургенев И.С. Отцы и дети [Текст произведения]. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/96/p.1/index.html>
5. Новикова-Строганова А.А. О вечном примирении и жизни бесконечной... К 150-летию романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» // Литература в школе. – 2011. – 11. – С. 2-6. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17013380>
6. Калуцкая Н.П. Выступление на Международной научно-практической конференции «Моральный выбор человека и ответственность за него». – Режим доступа: <https://infourok.ru/vystuplenie-na-mezhdunarodnoy-nauchnoprakticheskoy-konferencii-moralniy-vibor-cheloveka-i-otvetstvennost-za-nego-3501335.html>